

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ АГРАРНОЙ СЕМЬИ
В ПЕРИОД «ПОЗДНЕГО» СОЦИАЛИЗМА**

© 2014

А.А. Гринько, кандидат исторических наук, доцент кафедры «История и культурология»
Дальневосточный государственный аграрный университет, Благовещенск (Россия)

Ключевые слова: Дальний Восток; аграрная семья; «поздний» социализм; сельское население.

Аннотация: В статье рассматриваются изменения, происходившие в семьях работников сельского хозяйства южной части Дальнего Востока в 1970-х – первой половине 1980-х гг. – в период так называемого «позднего» социализма. Эти изменения анализируются через призму общегосударственных тенденций и их проявлений на региональном уровне. Нестабильность курса, а иногда и явная противоречивость в государственной политике по отношению к советскому селу, аграрной сфере, восточной части страны способствовали распространению некоторых отрицательных явлений, ранее не характерных для сельской местности. К таким явлениям можно отнести рост числа разводов и распространение неформальных брачных союзов; сокращение количества детей в семьях, приведшее к распространению нуклеарных семейств, и др. Одновременно имели место и тенденции, оказывавшие неоднозначное влияние на жизнь сельчан-аграриев. Например, активное вовлечение женщин в трудовую деятельность, «полизанятость» членов сельской семьи, изменение психологического отношения сельчан к окружающей действительности и многое другое. Автор обращает особое внимание на причины, способствовавшие трансформации аграрной семьи, а также на перераспределение ролей в семейной структуре. В частности, отмечается выравнивание трудовой активности женщин и мужчин, постепенное превращение детей из помощников в иждивенцев, переход пожилого поколения на самообеспечение и обособленное проживание. Делаются закономерные выводы о преобладании негативных процессов в семейной динамике над позитивными, а также о формировании к концу 1980-х гг. в дальневосточной сельской местности особого типа семьи, отдаленно напоминавшего семьи в предшествующие десятилетия.

Период «позднего» социализма, приходившийся на 1970-е – первую половину 1980-х гг., нередко называют «застойным» временем, эпохой без перемен. На самом деле этот важнейший этап в истории страны был насыщен динамикой и разноплановыми процессами, сказывавшимися на всех сферах жизни в стране и регионе. В 1970-х – первой половине 1980-х гг. жизнь в селах Дальнего Востока не стояла на месте. Активные социально-экономические преобразования, большие капиталовложения в сельское хозяйство, развитие бытовой, торговой и транспортной инфраструктуры, приток переселенцев и другие факторы способствовали ее ускоренному течению. Развитие региона не могло не повлиять на проживающее здесь население. Это влияние коснулось и сельчан, хотя они не находились в центре внимания властей. Последние уделяли значительно большее внимание горожанам, а на жителей деревень смотрели исключительно через призму развития аграрного производства.

В концентрированном виде изменения в сельской среде проявились на семейном уровне.

Сельская семья, связанная с аграрной сферой, исторически отличалась особой крепостью связей, традиционностью отношений и патриархальностью, что позволяло ей противостоять трудным условиям жизни. Однако к концу 1960-х – началу 1970-х гг. она вступила на путь быстрых изменений, обусловленных комплексом противоречиво воздействовавших факторов. Среди них можно отметить идеологическую и социально-экономическую политику власти, непосредственно воздействовавшую на семейные ценности и семейную жизнь, укрепляя одни ее стороны и разрушая другие. Немаловажным фактором выступало состояние экономики региона и конкретной местности, которое определяло степень развитости социальной инфраструктуры и материальное благополучие людей. Растущее воздействие на сознание деревенских жителей со стороны средств

массовой информации, «продвижение» города в сельскую местность, уровень образования, рост социальной мобильности и другие факторы в конечном счете также определяли семейную динамику.

Стоит заметить, что дальневосточники, проживавшие на селе, имели несколько положительных отличий от населения остальной части страны. Так, они в большей степени были представлены лицами молодых возрастов, а соотношение между мужчинами и женщинами было более сбалансированным. В частности, по данным переписи 1979 г. на 1000 деревенских мужчин-дальневосточников 16–29 лет приходилось от 735 до 806 женщин [1, с. 3, 11; 2]. Несомненно, это облегчало поиск «второй половины». Следствием вышесказанного было сравнительно большее число полных семейств, высокая рождаемость и низкая смертность.

В 1970-е гг. установки на создание семьи, ее официальную регистрацию, рождение нескольких детей продолжали превалировать в сельской среде. Идеология и стабильность жизни в государстве играли позитивную роль в процессе семейного строительства. Немало государственных средств направлялось на поддержку материнства и детства. Были введены денежные пособия многодетным матерям и на детей в семьях с низким доходом, увеличилось число оплачиваемых дней по уходу за больным ребенком и была установлена оплата отпуска по беременности и родам. Отличительной особенностью поддержки материнства и детства на Дальнем Востоке являлись более высокие размеры выплат. Так, размер оплаты отпуска по уходу за ребенком здесь составлял 50 руб. в месяц, а по СССР – 35 руб.

Но все большую активность начинают проявлять тенденции, ранее не характерные для села. Происходит значительное омоложение брачности, т. е. снижение возраста лиц, вступающих в брак. Причина такой ситуации крылась в низкой культуре планирования семьи на фоне снижения возраста начала регулярной половой

жизни. Это приводило к распространению добрачных зачатий и, следовательно, к заключению ранних браков. Не случайно в начале 1980-х гг. государство особо выделяет такую категорию, как молодая семья.

Сельская семья постепенно теряла свою стабильность, что проявлялось в росте числа разводов. Если еще в начале 1960-х гг. распад семьи являлся редким событием на селе, то в 1970-е гг. он превратился в обычное явление и воспринимался как социальная норма. Дальний Восток превосходил РСФСР по числу разводов на 1000 человек – 3,6 против 2,3 [3, с. 22; 4, с. 30, 58].

Поводом для разводов выступали различные причины: разные взгляды на жизнь, несходство характеров, алкоголизм, грубость и жестокое отношение, сложность взаимоотношений супругов с родителями, супружеская измена, сексуальная неудовлетворенность, болезнь одного из супругов. В связи с омоложением брака молодые пары рано оказывались перед необходимостью решать жилищные, бытовые и прочие проблемы. Многие проблемы, которые прежде решались до свадьбы, теперь стали откладываться на будущее. Заключение браков не останавливало отсутствие жилья и невозможность супругов самостоятельно материально обеспечивать семью. Среди молодежи распространился идеал брака «по любви» и недооценка материальных и иных обстоятельств, роль которых в семейной жизни была велика, что и обнаруживалось после свадьбы. В то же время часть молодежи, вступая в брак недостаточно подготовленной, обладала высоким уровнем требований как к супругу, так и к условиям жизни семьи. Все эти причины вызывали конфликтные ситуации, которые заканчивались разводами. Определенную роль сыграла и облегченная процедура развода.

Рост числа разводов становился одной из сложных социальных проблем, поскольку его результатом явилось увеличение числа неполных семей с детьми, нарушение процесса воспроизводства и ухудшение условий воспитания. По региону количество одиноких сельчан выросло с 30 до 60 в расчете на 1000 человек [5]. Их основную массу составляли пожилые женщины.

Распространение получали неформальные брачные союзы – сожителства, а также повторные браки и внебрачные рождения детей. Приведем данные по Амурской области, характерные для всего Дальневосточного региона. Так, в 1980 г. на 100 рожденных детей внебрачных было 12 %, а в 1985 г. – уже 15,9 % [6, с. 47], что значительно превышало аналогичные показатели в РСФСР. Все больше людей затягивали официальную регистрацию отношений до последней возможности, опасаясь трудностей процесса развода в будущем. Отказ от регистрации новой семьи в рассматриваемый период стал распространенной нормой в деревне, и для многих сельчан факт пребывания в официально оформленном браке перестал иметь решающее значение.

Тем не менее ситуация в деревне оставалась более благополучной, чем в городской среде: количество новых браков среди сельчан превышало городские показатели, а уровень разводов, напротив, можно было оценить как сравнительно низкий. Да и в целом Дальневосточный регион выглядел более стабильно на фоне остальной части республики. В 1980 г. коэффициент брачности составил 11 браков на 1000 человек населе-

ния, что превышало аналогичные показатели в РСФСР (10,4 брака) [7, с. 9].

Ранее на селе были широко распространены большие многопоколенные семьи, существование которых объяснялось традиционными установками и необходимостью в значительном количестве рабочих рук. В описываемое время традиция уже не считалась обязательной нормой жизни, а напротив, отождествлялась с чем-то отсталым и нежизнеспособным. Одновременно нужда в работниках все больше уходила в прошлое, компенсируясь гарантированными зарплатами, пенсиями, пособиями и наличием учреждений торговли и бытовой сферы, в которых можно было получить необходимые товары и услуги. К середине 1980-х гг. в дальневосточном селе средний размер семьи сократился с 3,7 до 3,2 человека и был меньше, чем по стране – 3,7 человека [8, с. 180]. Но семьи аграрных работников, особенно колхозников, были крупнее, чем семьи представителей других социальных групп [9].

Несмотря на то что тенденция сокращения размера аграрной семьи на Дальнем Востоке, как и по стране, проявлялась отчетливо, часть семей по-прежнему оставались крупными. Некоторые из них сохраняли верность традиции. Из поколения в поколение в них передавались установки на многодетность и совместное проживание с родителями. Другая часть домохозяйств нацеливалась на производство товарной продукции, что предполагало ведение обширного личного подсобного хозяйства. В таких семьях все родственники были заняты на домашних работах.

Происходило изменение и внутрисемейных ролей. В предшествующие десятилетия мужчина был полновластным главой семьи, являясь основным работником и снабженцем. Соответственно, за женщиной закреплялось содержание домашнего хозяйства и воспитание детей. Такое «разделение труда» не оставляло женам возможности для развития и самореализации. Дети с раннего возраста автоматически становились помощниками своих матерей, что двойственно сказывалось на их развитии: с одной стороны, приобщаясь к труду с раннего возраста, они воспринимали его как должное, ценили свободное время, были устойчивыми к жизненным потрясениям; с другой стороны, тратя значительную часть времени на домашние дела, многие дети хуже учились, имели небольшой кругозор, не имели амбиций и желания в будущем жить иначе. Нельзя не отметить и важную роль представителей старшего поколения, многие из которых жили вместе с семьями своих детей, являясь одновременно обузой и дополнительными помощниками.

К началу 1970-х гг. за мужчиной, как и ранее, сохраняется роль работника, приносящего доход в семью. Однако он становится не единственным «добытчиком». Во многих семьях женщины перестают быть привязанными только к домашним делам и также начинают зарабатывать деньги. Произошла определенная «феминизация» состава сельских работников в результате массового вовлечения трудоспособных женщин, ранее занятых в домашнем и личном подсобном хозяйстве, в экономику. Так, на юге Дальнего Востока процент женщин в составе работников совхозов вырос с 38 % до 45 %. Наиболее высоким он был в Хабаровском крае, а наименьшим – в Амурской области, но и здесь

он увеличился с 37,2 % в 1970 г. до 42,1 % в 1985 г. [10, с. 12]. Все чаще женщины занимают высокие должности. Более того, если раньше инициатором создания семьи выступал мужчина, то в описываемый период все больше женщин заявляют о себе как о создательницах новой «ячейки общества».

Отход женщин от традиционности обуславливался различными причинами. Более тесное взаимодействие с городской средой, распространение средств массовой информации, особенно телевидения, способствовали стремлению женщин расширить рамки своего свободного времени. Большую роль сыграла социально-экономическая политика государства, которая была нацелена на обеспечение численного роста рабочей силы в народном хозяйстве, в том числе и за счет женского контингента. Иные цели государственной политики, в концентрированном виде представленные в лозунге «забота партии и правительства о благе народа», были лишь дополняющими и подкрепляющими главное – использование всех возможных резервов для нужд экономики. В рамках этого происходило развитие системы дошкольных детских учреждений, пришкольных кружков, домов детского творчества, взявших на себя часть женских забот по воспитанию подрастающего поколения.

Заставляя женщину совмещать материнство и работу, общество поставило ее перед сложным выбором, который все реже делался в пользу рождения и воспитания детей. Вовлечение женщин в производство подрывало традиции многодетности. Стремление иметь много детей уже не было всеобщим. Рост уровня образования и квалификации работающей сельской женщины повышал ее требования не только к себе, но и к окружающей среде, к мужу, к воспитанию и образованию детей. Более образованная женщина чаще не мирилась с теми отрицательными или не устраивающими ее сторонами семейной жизни, к которым предыдущее поколение было терпимее.

Развитие системы социального обеспечения и психологическая перестройка привели к изменению роли людей преклонного возраста в составе семьи. Все чаще они жили отдельно от своих детей, чему способствовала их частичная финансовая независимость.

Основным типом сельской семьи в рассматриваемый период стала нуклеарная семья, представляющая собой пару с одним-двумя детьми. По Дальнему Востоку доля таких семей в среднем составляла 70 %, а в отдельных селах она достигала 90 % [11]. Повсеместное распространение такого семейного типа вызывалось изменением взглядов сельчан на количество детей. Вновь создающиеся молодые семьи стремились к обособлению от родителей и малодетности или даже бездетности. Последнее было новым явлением.

Небольшое количество детей в сельской семье было связано и с ростом уровня материальной обеспеченности. Как правило, экономическая стабильность домохозяйства, уверенность родителей в завтрашнем дне, возможность создать своим детям достойные условия жизни и другие факторы материального благополучия слабо влияют на поддержание высокого уровня рождаемости. Этот так называемый парадокс обратной связи между условиями жизни и рождаемостью проявлялся в том, что более состоятельные семьи имели в среднем

меньше детей, чем менее состоятельные. Аналогичное действие имели духовные факторы: менее образованные и обеспеченные сельчане, как правило, не предъявляли больших требований к условиям воспитания детей. Именно в колхозной семье сохранялась традиционная ориентация на многодетность, что объяснялось более поздним распространением социального обеспечения, отсутствие которого заставляло видеть в детях источник материальной поддержки в старости, и более высокой хозяйственной функцией крестьянской семьи. Но традиционная потребность сельской семьи в детях как потенциальных работников и источниках доходов уходила в прошлое – дети постепенно превращались в иждивенцев, главной задачей которых являлось получение образования.

Результатом изменения внутрисемейной структуры, психологических установок, отныне ориентирующих не просто на стабильный, а на лучший образ жизни, стало складывание «полизанятости» членов аграрной семьи. Понятия «перспективности» и «удобности» работы определяли ход этого процесса. Уже к началу 1970-х гг. дальневосточную деревню нельзя было считать собственно крестьянской, поскольку основой ее трудоспособного населения стали рабочие и служащие. К 1985 г. они составляли более 90 % сельского населения Дальнего Востока [12]. Большинство этих людей не были непосредственно связаны с сельским хозяйством. Значительную часть в составе сельских домохозяйств стали занимать люди, не связанные единой деятельностью и принадлежащие к разным социальным группам.

Многие сельчане, особенно молодежь, стремились переселиться в город, что вызывалось не только лучшими условиями труда и жизни, но и слабой реализацией мер государственной поддержки на сельском уровне, желанием «удачно и выгодно» вступить в брак с городским жителем. В газетных публикациях того времени, отчетах комитетов КПСС неоднократно встречались выдержки из писем сельчан следующего содержания: «наглядится мой старший сын на такое бездушное отношение к семье в нашем совхозе, да и по примеру других парней махнет в город, побоится обзаводиться семьей здесь в деревне», «кадров на селе не хватает, а молодежь не задерживается в родных местах»; «до службы в армии год-два еще и тянут, а там поминай как звали», «в социально-культурном плане мы не можем ничего предложить молодым» [13].

Отток молодых людей не только обострял проблему кадрового голода, особенно в аграрной сфере, способствовал аккумуляции на селе безынициативных и «опустившихся» людей, но и приводил к старению сельского населения – средний возраст работников сельского хозяйства был выше на 3–5 лет, чем по всему народному хозяйству региона. Это негативно сказывалось и на семейном строительстве. В целом, за рассматриваемый период в южной зоне региона в 1,3–1,7 раза возросла доля пожилого населения, а средний возраст увеличился с 29 до 32 лет. Тем не менее эти показатели оставались ниже, чем по СССР [14, с. 56–57].

Таким образом, в 1970-х – первой половине 1980-х гг. на дальневосточной аграрной семье отразились практически все тенденции и процессы, протекающие в среде сельского населения региона. Под влиянием комплекса как естественных, так и искусственно созданных

причин произошло отступление сельской семьи от традиционных установок, в прошлом обеспечивающих ее выживание и саморазвитие. На смену многопоколенному, большому домохозяйству приходит небольшая семья, главной целью которой становится достижение высокого уровня благосостояния и комфорта. Семья все больше приобщалась к городским эталонам демографического поведения, как напрямую, так и косвенно (через средства массовой информации), что в целом отрицательно сказывалось на ее крепости и потенциале развития. Отдельные положительные тенденции (изменение статуса женщины, рост образованности молодежи) не могли перевесить прогрессирующие отрицательные процессы, главными из которых были деградация семейных ценностей на селе, снижение рождаемости и отток молодежи. Только сравнительно благоприятная демографическая обстановка на Дальнем Востоке и консервативность сельского мира замедляли, но не останавливали этот упадок. Большинство изменений, имевших место в данный период, были вызваны объективным течением жизни. Однако их негативные проявления нередко усугублялись недальновидностью или ошибочностью действий властей. Дальнейшее развитие вышеназванных тенденций в конце 1980-х – начале 1990-х гг. привело к формированию особого типа семьи в сельской местности, лишь отдаленно напоминавшего семейства, существовавшие за два десятилетия до этого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Социально-экономические проблемы дальневосточного села. Владивосток: ДВО АН СССР, 1987. 120 с.
2. ГААО. Ф. 480. Оп. 8. Д. 1801. Лл. 9, 18.
3. Естественное движение населения Хабаровского края за 1971–1981 гг. Хабаровск: Статуправление, 1982. 24 с.
4. Показатели социального развития Приморского края (1970–1985 гг.). Владивосток: ДВУ, 1991. 416 с.
5. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 56. Д. 2736. Л. 3.
6. Амурский статистический ежегодник: 2007. Благовещенск: Амурстат, 2008. 188 с.
7. Дальний Восток России: экономическое обозрение / под ред. П.А. Минакира. М.: Прогресс-комплекс, 1993. 45 с.
8. Колхозы СССР. М.: Финансы и статистика, 1988. 223 с.
9. ГАРФ. Ф. 374. Оп. 39. Д. 6189. Л. 136.
10. Женщины в Амурской области. Благовещенск: Статуправление, 1979. 35 с.
11. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 56. Д. 2736. Л. 119.
12. ГАРФ. Ф. 374. Оп. 39. Д. 1090. Лл. 76, 90.
13. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 153. Д. 1089. Л. 30.
14. Демографическое развитие Дальнего Востока и формирование его трудового потенциала. Владивосток: ДВО АН СССР, 1991. 182 с.

REFERENCES

1. *Socialno-ekonomicheskie problemi dalnevostochnogo sela* [Social and economic problems of the Far Eastern village]. Vladivostok, DVO AN SSSR, 1987, 120 p.
2. ГААО. Ф. 480. In. 8. File 1801. L. 9, 18.
3. *Estestvennoe dvizhenie naseleniya Habarovskogo kraja za 1971-1981 gg.* [Natural movement of population of Khabarovsk krai in 1971–1981]. Habarovsk, Statupravlenie, 1982, 24 p.
4. *Pokazateli socialnogo razvitiya Primorskogo kraja (1970-1985 gg.)* [Indicators of social development of Primorye Territory (1970–1985)]. Владивосток: ДВУ, 1991. 416 с.
5. РГАЭ. Ф. 1562. In. 56. File 2736. L. 3.
6. *Amurskiy statisticheskiy ежегодnik* [Amur statistical yearbook: 2007]. Blagoveshensk, Amurstat, 2008, 188 p.
7. Minakir P.A., ed. *Dalniy Vostok Rossii: ekonomicheskoe obozrenie* [Russian Far East: economic review]. Moscow, Progress-kompleks publ., 1993, 45 p.
8. *Kolhozi SSSR* [Collective farms of the USSR]. Moscow, Financi i statistika publ., 1988, 223 p.
9. ГАРФ. Ф. 374. In. 39. File 6189. L. 136.
10. *Jenshini v Amurskoy oblasti* [Women in Amur region]. Blagoveshensk, Statupravlenie, 1979, 35 p.
11. РГАЭ. Ф. 1562. In. 56. File 2736. L. 119.
12. ГАРФ. Ф. 374. In. 39. File 1090. L. 76, 90.
13. РГАСПИ. Ф. 17. In. 153. File 1089. L. 30.
14. *Demograficheskoe razvitie Dalnego Vostoka i formirovanie ego trudovogo potenciala* [Demographic development of the Far East and formation of its manpower resources]. Vladivostok, DVO AN SSSR, 1991, 182 p.

**TRANSFORMATION OF A FAR EAST AGRARIAN FAMILY
IN THE PERIOD OF «LATE» SOCIALISM**

© 2014

A.A. Grinko, candidate of historical sciences,
assistant professor of the Department «History and Cultural Science»
Far East State Agrarian University, Blagoveshchensk (Russia)

Keywords: Far East; agrarian family; «late» socialism; the rural population.

Annotation: The article examines the changes that took place in families of agriculturists in the southern part of the Far East in the 1970s – the first half of the 1980s – in the period of so-called «late» socialism. These changes are analyzed through a prism of nation-wide tendencies and their manifestation at the regional level. Instability of a course and sometimes obvious discrepancy in the national policy in relation to the Soviet village and agrarian sector in the eastern part of the country promoted distribution of some negative phenomena, which were not typical for the rural areas before. Such phenomena might be as follows: a growing number of divorces and distribution of informal marriage unions; reduction of a number of children in families which led to distribution of small families, etc. At the same time there were tendencies which had ambiguous impact on life of the villagers. For example, active involvement of women in work, various areas of employment of the rural family members, change of the psychological attitude of villagers towards reality and many other things. The author pays special attention to the reasons that promoted transformation of an agrarian family, and also to redistribution of roles in the family structure. In particular, the author emphasizes levelling of labor activity of women and men, gradual transformation of children from assistants into dependents, transition of elderly generation to self-provision and isolated accommodation. The author comes to logical conclusions that negative processes in family dynamics prevailed over positive ones, and also that by the end of 1980 the family of a special type in the Far Eastern rural areas was formed which only fairly resembled families of the previous decades.